

Евгений ДЕМЕНОК

Верлибры

ВЕЧНАЯ СУББОТА

Просите, и дано будет вам
Видимо, плохо просили
Теперь все приходится делать самим
В поте лица своего и чужого
А если научиться
И попросить как следует
Возможно, нас вернут обратно в рай
Рай — это вечная суббота.

Противоположность безысходности — исход,
Хотя на самом деле они
Следуют одно за другим.
Так евреи когда-то
Вышли из Египта.
Наш бывший Союз, видимо, тоже был Египтом,
Потому что из него бежали
И бежали несколько поколений
Даже после того, как он развалился.
Волны эмиграции катились на юг,
Накрывая с головой наш
Маленький, но гордый приморский город,
Вымывая из него всё лучшее.
От последней он так и не оправился.

Для того, чтобы родилась большая река,
Должны слиться много маленьких ручейков.
Всё большое начинается с малого.
Ручейки возникают из ничего,
Они журчат среди камней, режутся на солнце,
Играют на перекатах. Они всегда
Чистые и свежие,
И вода в них вкусная.
Большая река
Течёт медленно, собирая по дороге всю грязь,
И к устью становится широкой и мутной.
Каждый может выбирать, что ему ближе —
Ручейку или реке.
Я всегда хотел быть ручейком.

Поражаюсь, как прочно устроен наш мир.
Люди ежедневно совершают
Столько ошибок и глупостей,
А он всё ещё цел.

Изгиб твоего тела так же прекрасен,
Как излучина этой реки.
У излучины можно сидеть
И долго любоваться водой.
Но около тебя
Усидеть невозможно.

ПРАГА

Поблескивая натертыми частями,
Старые статуи молча охраняют мост.
Стая чаек, поднявшись вверх от темной воды,
кружит над ними.

Белые пятна на черном небе.
Пражский град сияет наверху
Картинкой из глянцевого журнала.
Ни ветерка. Ни дуновения. Я словно попал
На сцену театра, где ставят
Какую-то средневековую пьесу
А все люди вокруг — актеры.
Замерла на месте
Черная вода канала.
Желтые фонари Малой Страны
Освещают гладкие стены домов.
В их свете
Все кажется призрачным.
И сам я — как призрак,
Внезапно попавший
На сцену театра.

Она стояла у дверей
Вагона метро
Смуглая кожа, тёмные длинные
Волосы, чуть опущенные вниз
Уголки глаз.
"Какая хрупкая, — думал я. — Какая хрупкая".
Когда она вышла, я встал на её
Место.
Поручень хранил тепло её руки.
Я ехал и держал её за руку.

КИПР

На Кипре трудно сочинять
От сочинительства отвлекает наслаждение
Всё время чем-то наслаждаешься:
рано утром — ярким солнцем
Цветом морской воды, красными и жёлтыми цветами
Рассыпанными на деревьях и кустах
Днём — едой и прохладой кондиционера
Холодным кофе и полудрёмой в тени
Вечером — спектаклем в старинном амфитеатре и
Общением с друзьями в переполненном кафе
Ночью — пением цикад и небом, усыпанным звёздами
Всё время отвлекаешься на что-то хорошее и важное

Пафос
Одеон
Электра
Две тысячи лет назад драму играли тут же
Так же
Те же

Тридцать пять в тени
Вроде привык к жаре, но
Шатаюсь, бредёшь домой
В нокадауне от теплового удара
Кипрский полдень

В нашей деревне
Время летит быстро
Только поспевай
Те, кто не успевают за временем
Остаются жить в прошлом
Так и я
Решил подождать, когда оно
Совершит круг
И вновь вернётся ко мне
Выпью пока холодный кофе

МЕСТО РОЖДЕНИЯ
АФРОДИТЫ

Много Луны
В тёплой воде
Местный старожил
Рассказал нам по секрету
Что в такие ночи
Сюда приходит купаться сама Афродита
Ждём

Вадим ЧИРКОВ

Рудос

У Рудольфа Ольшевского более 20 стихотворных сборников, часть вышла в Москве. В каждой книжке была его фотография. Мой рассказ — о самом первом обнародованном его фото.

Оно было помещено на доске-плакате "Они позорят наш город" в Соборном парке в Одессе (Рудик — одессит). В то время по улицам наших городов расхаживали так называемые комсомольские патрули и зорко следили за всем, что, с их точки зрения, нарушало общественный порядок. Порядок нарушала, прежде всего, молодежная мода. Молодежь носила то брюки-клеш, то брюки-дудочки. Комсомольцы задерживали клешников, отводили их в свой штаб, расположенный обычно в подвале домоуправления, строго и осуждающе на них смотрели, читали блистающие правой нотации, а потом... вырезали большими ножницами клин в клешах. У "дудочников" ("дудки" бывали так узки (о мода!), что надевать их приходилось, намыливая предварительно пятки) брюки распарывали и в таком виде их носителя выпускали на улицу. Некоторых "нарушителей" фотографировали, чтобы вывесить их фото на доске позора. Так было, ребята, такое интересное мы переживали время...

Общесоюзный сатирический журнал "Крокодил" работал тогда на уровне этих комсомольских патрулей, высмеивая "стиляги": сколько было карикатур, сколько было написано стихов в их адрес!

В Одессе было еще вот что. Морьяки, побывав в загранике, привозили оттуда всяческие — у нас экзотические — шмотки и втридорога ими торговали. Джинсы, рубашки, куртки, даже носки... Рудос — имею право называть его так: был с ним дружен много лет, да и так его прозывали в Одессе — каким-то образом "достал" куртку из, кажется, Гонконга, во всю ее спину был вышит яркий-яркий скалящийся тигр. И носился в этой куртке по Дерибасовской и улице Советской Армии, где он жил, привлекая к себе чуть ли не все взгляды — а что еще нужно 16 — 17-летнему юнцу! Впрочем, известен он был не только курткой: Рудик писал тогда стихи и читал их каждому новому знакомому, завлекая его в первый попавшийся подъезд.

Тогда в моде был Ив Монтан, песенки его знали и напевали все. И Рудик сделал одесским его шансон "Парижские бульвары":

Как я люблю в вечерний час
По нашей Дерибасовской пройти
хотя бы раз,
Там много пищи есть для глаз —
Одесские бродяги, планакеш и стилига...
"Планакеш и стилига" в наше время нужно уже переводить. Планакеш — курильщик планка, планчика, анаши-марихуаны; стилига — супермодно одетый молодой человек: длинный пиджак-джерси, южноамериканский галстук, брюки-дудочки с высокими манжетами, кок на голове, туфли на "бутербродах". Их от-

лавливали на улицах, как сбегавших из клеток шимпанзе, и отводили в подвал.

Понятно, что и яркую куртку Рудоса заметил патруль. Его перехватили на бегу, и он оказался перед строгими взглядами комсомольского штаба...

К фотографии стилига Рудольфа Гольдфельда (настоящая фамилия поэта), наклеенной на доске позора в центре Одессы, Рудик приводил всех своих друзей и приятелей, чтобы похвастаться "дебютом". Под ней был помещен комсомольский текст, вот его кусочек:

"На наш вопрос, почему он ходит по городу в такой попугайской куртке явно зарубежного происхождения, Р. Гольдфельд нагло ответил: "Потому что она мне нравится!"
Каков!..

Спрашивается, что хорошего мы можем ждать от такого любителя прозападного тлетворного образа жизни?!"

Ольшевский написал много хороших стихов, над одним из них я, помню, услышал строчку, прослезился.

Просто покалякать о том о сем с Рудиком было сложно: он в любую встречу обрушивал на меня свои последние стихи. Впрочем, он всегда и со всеми этим занимался. Таковы многие поэты.

И все же иногда удавалось отвлечь Р. от декламации — но речь и тогда шла о стихах. Как-то я заговорил о Светлове — вспомнилась то ли его шутка, то ли его строчка. Р. ответил на это имя категорично и свысока: "Комсомольский поэт!" Он их не признавал. Тут я скажу, что нелюбовь к комсомольским поэтам: Безыменскому, Светлову ("Комсомол — ты мое начальство! Обожаю тебя и боюсь!.."), Жарову, Уткину — привили ему московские мэтры, которые, наезжая в Кишинев, гостевали у него.

Ладно.

Была у меня с Р. очередная встреча у него дома. Я выслушал очередную порцию "последних" стихов, назвал понравившиеся образы и предложил "на пробу" некие четыре строчки. Он согласился, и я прочитал:

...В вечность поплывет мое лицо,
Ни на что, ни на кого не глядя,
Чей-то мальчик выйдет на крыльцо,
— До свиданья! — крикнет, —
до свиданья, дядя!

— Ох ты! — сказал Р. — Это кто?
— Светлов, — ответил я. — Последняя строфа стихотворения.

...Умер Рудик как поэт — у микрофона, читая стихи в одном из залов Бостона, перед небольшой аудиторией. Вдруг повалился... инсульт. Умер рано, его доконала гипертония, от которой он страдал всю жизнь.